

*Воспоминания участников
Кавказской войны XIX века*

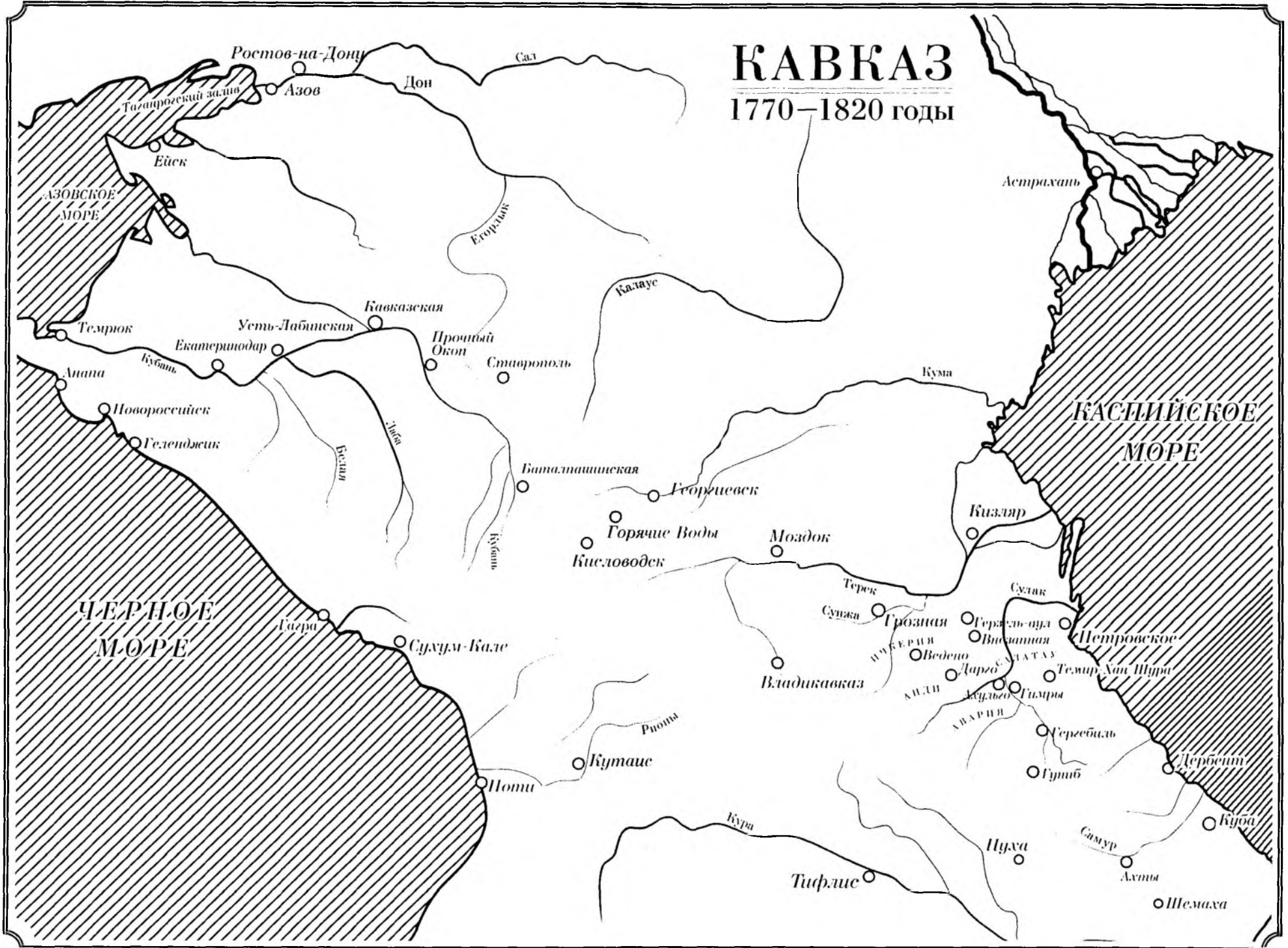

Кавказская
война:
истоки
и начало

1770–1820 годы

КАВКАЗ

1770—1820 годы

*Книга выпущена при поддержке Института
«Открытое общество»(Фонд Сороса). Россия*

Руководитель проекта Я. А. Горгин

Составление Я. А. Горгин и Б. П. Миловигов

Подготовка текстов и комментарии Б. П. Миловигов

*Воспоминания участников
Кавказской войны XIX века*

Кавказская
война:
истоки
и начало

1770–1820 годы

Издательство журнала «Звезда»
Санкт-Петербург 2002

Многотомное издание «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века» осуществляется при поддержке правительства республики Швейцария, Института «Открытое общество» (фонд Сороса), Генерального директора ОАО «Ленэнерго» А. Н. Лихачева.

Издательство и составители приносят благодарность за содействие в подготовке тома директору Российского Государственного Военно-исторического архива И. О. Гаркуше, а также заведующей читальным залом Т. Ю. Бурмистровой и сотруднику архива Д. П. Шергину.

Издательство и составители приносят искреннюю благодарность за научную консультацию Г. Г. Лисицыной.

ISBN 5-94214-036-7

© ООО «Издательство журнала «Звезда», состав., 2002

© Я. А. Гордин, составление, вступ. статья, 2002

© Б. П. Миловидов, составление, подготовка текстов, комментарии, указатель, 2002

© В. А. Гусаков, худож. оформление, 2002

ЗАПИСКИ ОТСТАВНОГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА МОСОЛОВА

История моей жизни

Начато писать в г. Бронницах, что по Коломенской дороге, ибо я там жил.

1806 года, февраля, 3 дня.

Родился я 1750 года под планетою Тельца. Отец мой, Иван Григорьевич Мосолов, отставной от артиллерии капитан, то заметил: ибо он знал многие науки, как-то: астрономию, фортификацию и все части математики, говорил по-немецки, и потому к нам многие знатные господа езжали. Отец крестный мне был Петр Степанович Колычев, а мать крестная — княгиня Вяземская. Обо всем том мне мать дала записку, как я отправлялся в службу*. Отец и мать были из российских дворян; за ними было в уездах Шацком и Муромском 32 души. Мать моя была роду Шапошниковых и жила после смерти отца моего в селе Апушке Шацкого уезда, в котором селе отец мой похоронен в приходе своем, при церкви престола Казанской Богоматери у головы алтаря; над могилою его и камень после от меня положен с надписью, присланный из Москвы, как я еще был секунд-майором. Скончался он 1760 года. Перед кончиною жизни своей позвал меня к себе и, дав руку поцеловать, благословил меня своими походными складнями**, образом Казанской Богоматери; тут же его ангел, Иоанн Креститель и Николай Чудотворец. Сей образ во всех баталиях, штурмах и сражениях всегда был со мною на груди и поныне, благодарю

---

*Да и книги многие тех наук, после как я приехал из армии в отпуск, мать мне отдала, и скорописные тетради его руки с разными замечаниями.

** Отец мой всю войну служил Семилетнюю против Пруссии и был в разных баталиях и походах, о чем мне мать после часто говорила и отдала мне все книги военные и тетради его руки.

Бога, у меня цел. Хотя, во время нашествия злых французов в Москву, все у меня ограблено и сгорело, но образ, благословение отца моего, остался чудесным случаем невредим и цел.

В селе Апушке, где мы жили, выучили меня грамоте по-русски читать и писать, через дьячка приходской церкви Казанской Богоматери. В продолжение же времени от 7 лет до 10-ти с отцом я ходил каждый раз, когда служба была, к обедне и вечерне по его воле, хотя и очень ленился и не хотелось; а особливо когда к заутрени идти (что очень редко отец мой манкировал) вставать рано трудно было мне, а еще больше скучнее мне бывало, когда не пустят меня овец своих беречь, до чего я был великий охотник. Всякий раз, как отец ложился на постелью спать, то заставлял меня читать Псалтырь; сию книгу отменно он почитал пред прочими.

Поживши в селе Апушке, мать моя Дарья Трофимовна поехала к сыну, а моему брату большому в г. Арзамас (его звали Иван Иванович Мосолов, он служил по штатской службе, был в том городе секретарем), где меня и оставила на два года. Правду сказать, там мне было очень худо жить от невестки отменно злой; а опосля мать моя опять приехала в г. Арзамас, откуда взяла и меня домой в Апушку.

Собравшись зимою, мать моя повезла меня в Москву, где по милости графини Прасковьи Юрьевны Салтыковой, с которой она была знакома, по службе моего отца Ивана Григорьевича, упростила фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова* записать меня в службу, почему и записан был в Архангелогородский полк мушкетерский солдатом. Сам фельдмаршал взял меня за руку и отдал господину полковнику Неронову Павлу Васильевичу. То было в зале, в какой-то торжественный праздник, ибо тогда много было полковников, и сказал, «чтобы он, причисливши меня в полк, приказал иметь о мне попечение и учить всему, что принадлежит для службы». Неронов, взявши меня к себе, спрашивал: не имею ли я у него в полку кого знакомого. Я отвечал, что мать моя мне сказывала, есть у вас подпоручик со мной одной фамилии — Андрей Степанович Мосолов; почему полковник и определил меня в ту же роту, где он служил, во 2-ю мушкетерскую солдатом. Сие

---

* Отец мой во время Прусской войны с ним служил.

было 1765 года, февраля, 5 дня. Тогда от роду было мне 15 лет. Он призвал его к себе, поручил меня ему, приказав, чтоб меня обмундировали и ружьем учить. У него уже нашла меня мать моя Дарья Трофимовна Мосолова.

Полк Архангелогородский весь стоял в Таганке, где и брат Андрей Степанович Мосолов жил в роте 2-й мушкетерской у капитана Арбекова. Брат заставил одного солдата учить меня всему, что требует служба; а как одели меня в мундир солдатского сукна, то я так был рад сему, что теперь и не могу сего объяснить, а особливо выучившись экзерциции метать ружьем и повороты делать по-солдатски. И потом представлен был полковнику своему с ружьем, который похвалил меня и произвел в подпрапорщики, что было того же года марта 16 дня. Получив сей чин, мать моя повезла меня в тот же день к графу Петру Семеновичу Салтыкову с благодарением, и я как графа, так и графиню Прасковью Юрьевну благодарил, уже быв в мундире и с двумя позументами. После сего и на караул ходил, к полковнику на квартиру, к знаменам полковым с 12 человеками рядовыми, одним капралом, барабанщиком и флейщиком. А как летом смотр кончился всем полкам Московской дивизии, то полки пошли по своим непременно квартирам.

Нашего Архангелогородского полка были квартиры в городе Масальске, куда и я, простясь с матерью, пошел в поход имевши уже 16 лет, под протекцией брата Андрея Степановича Мосолова, которому меня мать поручила и просила, чтоб меня по родству в нуждах не оставил, давши мне на путь и на прочее три рубля серебром, со мной простилась и неутешно плакала.

Итак, пришедши полк в город Масальск расположился по квартирам, по деревням; один только штаб и унтер-штаб остались квартировать в самом городе, ибо оный город не велик мещанством. Чрез несколько времени наш полковник Павел Васильевич Неронов, собрав всех малолетних дворян из рот к себе в штаб, учредил гимназию, выписав из Москвы учителя богословия и математического класса, отставного студента Теплова, который нас учил читать и писать правильно, т. е. российской грамматике, чтоб узнать разделение и склонение речей, их падежи и прочему, часть риторики, а потом преподавал арифметику, геометрию, тригонометрию, алгебру, историю священную и древнюю и богословие.

Полковником были куплены в Москве книги и инструменты; для бедных дворян покупал на свой кошт, а богатые дворяне, учившиеся тут же, сами покупали, и был сделан о двух флигелях нарочно большой дом, в одном флигеле учились дворяне, а в другом солдатские дети, и нас было всех дворян около 70 человек, а солдатских детей почти тоже. Между тем учились и ружью, ходили на караул и на ординарции по очереди, как к полковнику под знамена, так и на гаубтвахту к своей гимназии. Над нами сверх того приставлен был поручик Михайло Борисович Загряцкий и назван директором смотреть за нашим поведением в квартирах и за опрятством учебных мест и нашей аммуниции ружейной. Я не знаю, Провидение ли мне подтверждало или от страха к учителю, только Бог мне даровал, что пред прочими моими товарищами я ушел как в науках, так и в исполнении должности по службе, и за то по экзамену, который был сделан в глазах полковника и всех штаб- и оберофицеров, меня полковник произвел сержантом, того же года августа 6 дня, а учитель дал достоинство (за прилежанием по наукам) цензора, и многих дворян мне подчинил для поправления ошибок в их уроках и растолкования. У сего учителя Теплова я выучился грамматике, правильно писать и знать склонение слов и речей, арифметике, геометрии и части тригонометрии и фортификации; также объяснял нам истории разные, натуральную и древнюю, географию и богословие. А по-французски учился я только 9 месяцев, ибо учитель был нанят другой не скоро, коего звали m-r de Grave. А на третий год в манеже учились немного от офицера отставного кавалерийской службы; танцевать же нам показывал сам директор Загряцкий. А потом все это кончилось походом.

Полк выступил и помаршировал в Польшу в 1767 году в исходе оного, а на randеву собрались в Польше в 1768 году. В походе я был пешком и ружье нес, а иногда родственник мой Мосолов и капитан мой Бестужев Федот Борисович давали мне свою верховую лошадь, когда увидели, что я устал. При начале 1769 года полковник меня приказал определить на помощь к адъютанту Пыжову, и назывался я флигель-адъютантом в том же сержантском звании и весь 1769 год служил в Молдавии.

Апреля 19 дня под Хотинном был я при атаке во второй раз неприятельского ретраншемета и взятии Хотина. После экспедиции второй ночной, турки испугавшись, что много мы их

перекололи, а другие перетонули, спасаясь, хотели переплыть по Днестру-реке и город Хотин оставили нам. Тогда был у нас фельдмаршал князь Александр Михайлович Голицын. Прежде два раза к городу ходили, но назад на свою сторону перешла армия. Тут турки возгордились, к нам переправились через реку Прут, которых мы всех ночью перерезали, застали сонных в их ретраншементе. Господин бригадир Кашкин с колонной своей больше всех отличился, а потом Сухотин и прочие; так о сем было слышно. И после сего славного разбития фельдмаршал Голицын откомандировал detachment под командой генерал-поручика фон Штофельна, который, преследуя остатки неприятеля, почти дошел до Дуная, взявши молдавский город Яссы, Воложский Бухарешт, где после, как мы уже туда же с полком пришли, он умер чумой в сем же городе. Забыл я написать, прежде еще под Хотином была в 1769 году июня 2-го дня полевая баталия, ибо наш полк был в арьергарде, как шли назад от неприятеля, и тут отличилась первая гренадерская рота под командою капитана Трегубова: он дрался более 8 часов, пока весь полк подоспел и конница; видно не думали, чтоб на обоз напали турки, за что фельдмаршал Голицын сего капитана в секунд-майоры произвел за спасение обоза, а прочих офицеров той же роты следующими чинами наградил и солдатам по рублю дал.

В начале 1770 года января 1-го, по представлению полковника Неронова, произведен я был в настоящие адъютанты на ваканцию графом Петром Александровичем Румянцевым; ибо после отъезда в Петербург князя Голицына сей Румянцев прислан от Государыни Екатерины Алексеевны командовать первой армией, которую он осматривал, приехавши к нам, при местечке Чертчи, сам был верхом и все линии объехал и говорил публично при разводах, что победы, которые «я теперь получаю от передних войск, оные совершаются от мудрого распоряжения и терпения фельдмаршала Голицына, с малейшим уроном солдат».

В оном 770 году, уже под начальством графа Румянцева, в отдельном корпусе князя Николая Васильевича Репнина, наш полк находился в баталии июля 7-го в Молдавии и при взятии неприятельского ретраншемента и лагеря, а 21-го на полевой баталии при озере Кагуле; тут взяли также лагерь, обоз и пушки. Нас было не более 30 тысяч, регулярного и нерегулярного

войска, а их около двухсот тысяч. После занятия ретраншемента и всего их доброго перешли мы и Троянову дорогу славную по древней истории. Многие дивизионные генералы просились с корпусами догнать и разбить остатки неприятеля, но граф им отвечал: «Мы, батюшка, только их прогнали, а не побили, этому неприятелю нехудо и мост поставить». При атаке силы турецкой и при входе в ретраншемент потерпело много каре генерал-поручика Племянникова; ибо паша с янычарами, вышедши вон из ретраншемента, сбоку нечаянно на нас напал, что услышавши, граф Румянцев велел тотчас туда бежать на помощь полку первому гранодерскому и командовал сам: ступай, ступай, за что полк и назван именным повелением лейб-гранодерским, и чины всем даны были.

Уже на другой день к вечеру генерал Боур пошел с detachmentом к реке Дунаю, где и наш полк был, а во время баталии при озере Кагуле наш полк находился в каре под командою князя Николая Васильевича Репнина, против их правого фланга, в фас под командою бригадира Вейсмана, что после сделался славным генералом. На третий день к свету туда мы пришли, где они переправлялись чрез Дунай, и застали их еще более 10 тысяч, с которыми подрались и многих взяли в полон, а другие ушли к городу Измаилу. Остановясь у переправы Казани, многих вытаскивали из воды мертвых во всей одежде и броне, но только руки были обрублены; видно, цеплялись за суда, кои отваливались от берега.

В 1771 году октября 21-го, при атаке и взятии за Дунаем города Мачина, под командой генерал-майора Милорадовича в действительном сражении, и в октябре и декабре месяцах флотилией от Браилова до Силистрии по Дунаю под командою генерал-майора Григория Александровича Потемкина, что после был светлейшим князем, и 28-го при деревне Рожсаватой было сражение и на земле, и на воде. При выходе на правый берег были турки отбиты, и суда потом свободно прошли; а после были распушены по квартирам, и досталось нашему полку Архангелогородскому стоять в Букареште, где была чума; тут я болен был оною, но к счастью выздоровел, а собственный мой слуга Леонтий Григорьев в той же болезни умер; а я в предосторожность всякий день мылся три раза уксусом крепким простым и принужден был курить табак, хотя мне был еще только 21 год.

Потом в 772 году был в походе и в сражении под городом Турною, октября 26-го при бомбардировании города Рушука, а ноября 3-го при переправе у Туртукая, на супротивный берег Дуная, а потом у Рушука, где и была главная баталия; тут отличился нашего полка капитан Иванчин, а как по рекомендации графа Ивана Петровича Салтыкова ему ничего не дано, то и пошел в отставку; он под берегом крутым с своею ротою 1-ю гранодерского на штыках дрался с турками, которые хотели в тыл нам зайти, ибо мы стояли тогда покоем, задний фас у нас был Дунай-река. Тут они храбро на нас шли, думая, что такую же победу получат, как им удалось взять в плен полковника князя Петра Васильевича Репнина с полком, уже разбитым прежде сего.

Как отбили неприятелей и прогнали, граф Иван Петрович Салтыков (он был наш начальник) обложил войсками почти со всех сторон город Рушук, что против Журжи, где 14 июня близ оного в действительном сражении я находился в отделенном 2-м батальоне в садах под командою подполковника де Ласия, и от него же выслан был с ротою 9-ю мною командуемой против вылазки турок из города Рушука, которую разбил и прогнал, потеряв сам до 30 человек, за что по рекомендации за отличность и награжден был капитанским чином, ибо я был уже поручик, в который чин был произведен по линии 773-м году января 1-го дня. Уже оный капитанский чин получил по заключении мира при Кайнарджи в 1774-м году ноября 24 дня.

Забыл я написать поход наш к урочищу, прозванному Рябые Могилы, с князем Репниным, против которых татары и турки два раза нас атаковали, перейдя чрез реку Прут, при урочище, названном Рябая Могила (на том месте император Петр 1-й был атакован, где он с турками и заключил мир 1711-го года июня 13 дня), но были с уроном отбиты; тут мы много нужды претерпели, мало было провианту, а обоз наш был от нас далеко; то даже и офицеры ели два дня только одну жареную говядину, а как привез нам капитан Бишев понтонные мосты, то уже мы стали переправляться на неприятельскую сторону и их прогнали, тут и Боур к нам подоспел с деташементом. Да еще забыл поход с генералом-майором Черноевичем по Пруту к Журжулесту или Ренику, почти всякий день с татарами стычка была; сия крепостца лежит против Галаца на другой стороне реки Прута; сие было перед 7-м числом июня 1770 года.

После же окончания войны полк Архангелогородский пришел в Польшу в село Красное, где дал мне полковник в команду 1-ю гранодерскую роту, а потом как полковник наш Матвей Петрович Ржевской уехал из полка в отпуск, оставил полк под команду подполковника Шипилова, который от слабости команды полк расстроил, и офицеры некоторые зачали пить, а другие между собою драться, я от сего, чтобы удалиться, переведен был (по прошению моему в 775 году сентября 20-го) в 4-й гранодерский полк, в котором был полковником Петр Федорович Талызин, где получил я в командование 11-ю роту. В оном полку я служил почти три года, в Польше и в квартирах Смоленской губернии, в городе Рославле, а стояли лагерем близ Смоленска.

Из оного переведен я по повелению его сиятельства господина генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского ко укомплектованию вспомогательного корпуса, состоящего в Польше под команду генерал-поручика Павла Сергеевича Потемкина, в Киевский пехотной полк 778-го года октября 4-го дня, по представлению сего полка полковника Степана Степановича Апраксина. В том же полку меня пожаловали, по именному указу 780-го года сентября 19-го дня, в секунд-майоры за то, что в Могилеве вместо гвардии был послан я содержать караул при государыне Екатерине II, а уже полк Киевский был на карауле в Санкт-Петербурге. При открытии монумента или статуи царя Петра I был в церемониальном марше; тогда полк удостоен был вместе со всею гвардиею, и нашего полку как штаб- и обер-офицеры, так и все чины даже и рядовые за тот день в знак достойной памяти получили медали. Я был верхом перед 2-м батальоном, и при входе еще в Петербург чрез Царское Село императрица Екатерина II изволила пожаловать нижним всем чинам по 1-му рублю, а штаб- и обер-офицерам указала объявить свое монаршее благоволение. У нас и тогда был тот же полковник Степан Степанович Апраксин. Наш полк еще и прежде был на карауле вместо гвардии у императрицы, в городе Могилеве, как изволила шествовать из Петербурга, о чем я уже упомянул, а потом полк Киевский из Петербурга пришел зимовать в город Нежин под команду опять фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского; а оттуда пошли для покорения Крыма или Таврической области. Там состояли в 782 и в 783 годах под командой светлейше-

го князя Потемкина, по повелению коего я был переведен в драгунский Астраханский полк, находящийся на Кавказской линии в 784-м году августа 1-го дня, куда я по сдаче полка Киевского старшему по себе (ибо тогда я им в Крыму командовал, как полковник Апраксин уехал ко двору ее величества в рассуждении должности флигель-адъютанта). Будучи же в Крыму я для полка строил и казармы, отправился потом на Кавказскую линию, заехал, однако же, в Москву; так было мне приказано от полковника Апраксина, ибо и он прежде меня переведен был именным указом в тот же драгунский Астраханский полк.

В Москве я пробыл 4 месяца и влюбился в живущую тут же в доме Степана Степановича, у сестры его Марьи Степановны Талызиной, в монастырку девушку пристойную, Настасью Ивановну Бутрюмову, которая у них жила, была выучена в монастыре говорить хорошо по-французски и писать, танцевать, петь по нотам и играть немного на фортепиано. Помолвивши с ней формальным образом, уехал служить на Кавказскую линию в Астраханский полк, в коем был более 4 лет.

В продолжение сего времени 785-го июня 8-го, переправясь чрез реку Терек на Сунже, прогнали толпы бунтовщиков чеченцев; после уже того как бригадир Пиерии разбит от Шикали-имама в дефиле, называемой Ханкале, где и сам убит был, а подполковник егерской пропал Каморский, а батальон егерей и 2 гранодерские роты совсем разбиты были от его зависти, что Пиерии не хотел разделить с нами над неприятелем победу и от того сам пропал, велено всем собраться к Сунжереке 7 числа; а Пиерии пришел 6-го, а, переправившись, начал действие один с своим отрядом.

После сего два лета я содержал кордон от Наура до Кизляра и уже был произведен премьер-майором 786 года. В команде у меня были 4 гранодерские роты и 60 человек гребенских казаков. Гребенскими казаками они названы еще при жизни царя Петра I, потому что они возвратились с гребня гор Кавказских; ушедшие из стрельцов российских и были прощены от Петра I после заложения крепости Кизляра, почему они там и поселены в трех станицах. Сии казаки точно также одеты, и наездка на лошадей такая же, как черкесы; и 160 человек калмыков: эти только тогда храбрые, как погонишь неприятелей, а как сам ретироваться станешь, то первые же уйдут.

Потом дали мне егерский батальон, с ним также одно лето служил, но не удалось подрасться, а потом как велено генералу Текелию, нашему начальнику Петру Абрамовичу, идти с корпусом для диверсии в крепости Анапе, что на Черном море во фланге Кавказских гор; а потом 788-го года при переправе за Кубань, как шли к Анапе, я был тогда у генерал-майора князя Ратеева дежурным, за штаб-квартирмистра и партизаном; сии три должности отправлял при авангардном корпусе, нашел место, где переправился целый корпус чрез Кубань-реку, отбил от оногo неприятеля, сделав в другом месте фос-переправу с гребенскими казаками и с двумя ротами егерей, за что меня хотя и рекомендовали, что первый переправился за Кубань, но ничем не наградили; а в статуте кавалеров Святого Георгия сказано, кто первый переправится на неприятельскую сторону, тому дать крест.

В марше при реке Кубани того же года сентября 26 дня в генеральном сражении с горцами и турками; здесь я послан был с 4-ю казаками доброконными и одним есаулом Карауловым, чтоб сыскать место и неприятеля с тылу зайти, что мне и удалось; только сам было попался в их руки, ибо те, кои к сражению на помощь подоспевали, отрезали меня. Но я бросился вдруг с криком из лесу и отбил у них одно знамя; двух абазинцев закололи, ибо они думали, что нас тут целый казачий полк был; и я то знамя привез к генералу Ратееву. Он благодарил меня за знамя и что я цел возвратился и велел с собою идти одному полку и одному гранодерскому батальону за мною на то место, которое я нашел для сражения в лесу на полянке; тут пришедши построились мы двумя кареями, и неприятель, испугавшись, что мы открыли с тылу их канонаду из пушек по туркам и черкесам, кои все скачут к главному каре, где был Текелий; но как увидели, что мы их от гор отрезали, то все толпы бросились уже на нас и тем большой каре избавили от большого урона; ибо оный построился в критическом месте тесном, что горцы и турки из лесу били из ружей солдат, а их было не видно.

И за сие мне князь Потемкин ничего не дал, хотя я началом был для сохранения всего корпуса, а моему авангардному генералу Ратееву прислан орден 2-й степени Владимира. После сего под крепостью Анапою октября 14-го того же года не до-вольню открывал места, делал чрез рытвины и буераки мосты;

ибо мы шли черными горами и занимал оные с боем оружия, но еще генерал-поручика Петра Федоровича Талызина, бывшего своего полковника, избавил от смерти или б в плен попался. Он хотел переехать от нас на другую сторону болота посмотреть, как там дерутся егери его команды, и в оном завяз со всеми своими 4-мя казаками конвоем, я, увидя его погибающего, ибо абазинцы разделись и голые шли к нему из тростника с ружьями; в ту же минуту выпросил я позволение у князя Ратеева, своего командира, чтоб его отбить и вынести оттуда, что и удалось мне исполнить, приказав также раздеться 40 егерям и с одними только ружьями да по 5-ти патронов привязав им каждому на шею; слава Богу, его отбив от горцев, вытащили. Тут два егеря были ранены, которым дал он довольноную плату, а мне сказал: «Спасибо, брат, что ты старую хлеб-соль помнишь».

От Анапы мы после сражения назад пошли, ибо от князя Потемкина не велено было ее брать штурмом, хотя было и удобно; ибо в крепости Анапе заперлись только турки одни, коих было не больше трех тысяч, а горские воины все расположились по горам, не хотели помогать туркам в городе Анапе. На возвратном пути почти каждый день горские жители нас провожали пулями и стреляли из лука; но большого вреда и сражения мы уже не видали, а, переправившись назад или на свой берег Кубань-реки, солдаты много потерпели нужды от холода и в недостатке провианта.

Сию экспедицию кончивши, я стал проситься в отпуск. Генерал Текелий и отпустил меня только на 29 дней, я был и тому рад, думая, что еще поспею к штурму очаковскому, куда я и поскакал на почтовых; но, приехав в Екатеринослав город, узнал, что уже Очаков взят, однако ж, я все к нему поехал посмотреть крепость и все укрепление и апроши, кои рыли наши. Там я нашел комендантом бригадира Юргенца, мне знакомого еще в первую войну с турками; он мне сказал, что большая часть турок была сераксиром выведена из города в ретраншемент, который довольно был укреплен и обширен; следовательно, все же войско уже не могло войти в крепость во время штурма: а все поколоты у входа к воротам, где сказывал он «великие кучи мертвых тел навалены были».

Оттуда поехал я с данными мне от командиров аттестатами, за дела мои во время похода к крепости Анапе, в Санкт-

Петербурге, думал наверное крест Егорьевский получить; ибо в статуте сказано: «кто первый станет на неприятельской берег с боем оружия, тот получает Егорьевский крест». Но ошибся в моих мыслях, а вина была только та, что не имел протекции, хотя и многие дивились, что я по сю пору без креста, я отвечал им: благодарю за сделанную честь, хорошо и то, что вы слышали о моих делах, нежели бы у меня спросили, за что я получил? Видно, я только счастлив для откомандирования к бою, а к получению награждения другие. И подлинно многим дали чины и кресты, а мне ничего.

Так я поехал на Кавказскую линию обратно, где уже нашел главным командиром графа Ивана Петровича Салтыкова. Он меня взял к себе в дежурные; но недолго мне досталось у него быть в сей должности; ибо князь Потемкин перевел меня в егерские батальоны, по причине что я был в полку Астраханском драгунском сверх комплекта; а может быть, и другой чей умысел был таскать меня из угла в угол целого государства, из Крыма к Каспийскому морю, к Кизляру, оттуда опять на Черное к Инкерману; но принужден был ехать, взяв с собою белье и одного человека Егора, с которым я в кибитке на почтовых приехал в Каушаны, что в Бессарабии.

Это было 789-го года в сентябре. Тут стоял с корпусом господин генерал-поручик граф де Балмен, к которому я и явился, объявляя, что я еду к светлейшему князю Потемкину, для определения в егерские батальоны, имея отправление от графа Салтыкова; он мне советовал тогда лучше ехать одному с казакон и верхом, нежели в повозке, в рассуждении опасности разъезжающихся турецких партий из города Бендер, а князь уже в Белграде или Акермане на Черном море, который был взят на капитуляцию. Итак я оставил кибитку у подполковника казацкого Иловайского, что был после генерал-майором, а сам с казакон верхом поехал к Белграду или Акерману. Дорогою ничего не случилось, кроме что дождь всего промочил. Приехавши туда, тотчас пошел к Попову, правителю письменных дел, и депеши, кои были со мною, ему отдал. Живши там 4 дня, спрашивал у него о своей судьбе; но он обыкновенно для кого был недобр, то промолчит и уйдет вон из канцелярии или совсем запрется. И так я, пожив в Акермане 10 дней, уже почти и денег мало стало, да и в одной рубашке обчесался, выдумал, для скорого отправления стратажему: всегда за столом старался

садиться против князя Потемкина, который лишь увидит меня, то тотчас спрашивает Попова и выговаривает ему, для чего я не отправлен (ибо князя только и увидишь за столом, а то редких к нему пускали, а особливо нашу братью, кои стены лбом своим пробивали без протекции). Сие я делал 4 раза, что был на глазах за столом; наконец уже Попов меня сам спросил и с гневом изволил выговор сделать, для чего я попадался на глаза к князю? Я ему отвечал для того, что я хочу, чтоб вы меня определили скорее к месту. «Вот тебе и место» — и дал мне отправление явиться в Херсон к князю Репнину, к которому я и поехал верхом до Каушан, а там в своей кибитке. Приехавши в Херсон, к князю явился, который мне повеление важное объявил, что я определен в Лифляндский егерский корпус в 3-й батальон на вакансию батальонного начальника 789 года ноября 13 дня, о чем и ордером предписал шефу того корпуса генерал-майору Мекнобу, чтоб я принял 3-й батальон от подполковника Стоянова на законном порядке (на котором от сдачи и поныне осталось моих денег 300 р.).

Батальон 3-й я нашел совершенно расстроенный, ибо сие время было после штурма очаковского, ни обоза, ни аммуниции, а в комплекте недоставало 320 человек; обо всем подал я рапорт к шефу и к князю Репнину. В зиму построил я новый обоз, людей одел, ружья исправил, за рекрутами сам ездил в Витовку, где жил бригадир Фалеев*, или в город, что ныне Николаев, там нашел всех рекрут почти голых, так что иные почти в рогожках ходили, ибо свое платье все изорвали на работе каменной, что Фалеев приказывал делать, то и сделали, уже год как там работали, и за то денег им никто не платил, из коих от непопечения по 10 мерли в день, и относили их без попа и отпева как собак на носилках зарывать в ямы, я сам это видел, чему ужаснулся. А там же был генеральный гошпиталь, где никто не смотрел кроме цырульников, хотя и многие приставлены были, но они только наживались; остальные ж от рекрут умерших деньги брали себе. Господину Фалееву хотя я и сказывал, что нет ни малейшего человеколюбия, но он мне сказал: «Это, сударь, не может быть, я сам смотрю» — и просил меня обедать, но я рад, что вырвал из погибели своих рекрут,

---

* Был креатура князя Потемкина.

помаршировал с ними в Херсон, где мы стояли в казармах, куда привел. Шеф разделил на 4 батальона, из коих мне досталось 320 человек. Каждого я раздел до наготы и осмотрел их, нет ли у них каких на теле зараз; нашел по большей части в чирьях и в чесотке, ибо одну рубашку носили по два месяца, тот же день велел их вести в баню, а рубашки купил им старые у других егерей; и как они обмылись, совсем другие люди стали; но все оставалась в них внутри та гнилость, которая вкоренилась от худой пищи и несмотрения, как были они на работе. И сколько моего старания ни было, из них более 60 человек в лазарете померло поносами и горячкой, ибо воздух в Херсоне отменно тяжелый, все ветры или жары; а в других батальонах и половины не осталось. К лету батальон 3-й я совсем устроил и людей поодиночке выучил прикладываться цельно, заряжать проворно и с ружьем как должно обходиться, сии три правила были у меня основанием солдатской должности; и шефу своему генерал-майору Мекнобу летом показал весь батальон поодиночке, вот каким образом. Веревка была протянута, по которой егерь тащил бегом щит в рост человека, а шириною $1\frac{1}{2}$ ар. Против оной по всей дистанции расставлены были чрез 20 шагов егерей по 6 человек, которые на бегу многие попадали в щит. А после и маневры строил с батальоном по-егерски. Шеф был больше тем доволен, что из всего батальона только 17 ружей осеклось, а то все выстрелили без осечки; и осмотрел каждого и весь обоз и упряжь; после отдал в благодарность приказ по всему корпусу и прочим командирам рекомендовал также устроить свои батальоны; а еще ему больше приятно было то, что у меня меньше всех померло.

После осмотра батальонов пошли мы в поход к Бендерам и тут простояли до самой осени, оттуда пошли к крепости Килии, что на устье реки Дуная. Начальник у нашего корпуса был генерал артиллерии Иван Иванович Миллер, который от раны умер там же как взяли 790 года октября 6 ретраншемент Килийский.

На место его прислан командовать корпусом генерал-поручик Иван Васильевич Гудович. Он обложил формально крепость, велел нашему шефу один армянский монастырь отбить, шеф послал с батальоном меня, сие я исполнил, выбивши турок, подле чего под моим же прикрытием и брешь-батарею заложил. Тут был инженерный генерал-майор Кноринг; а по

стрелянии 5 дней стену и башню разбили, от которой камня и кирпичи в ров повалились, почему паша, той крепости начальник, и выслал 300 человек отборных янычаров вон из крепости, и велел лечь против башни во рву, для прикрытия пролома под своими пушками, а чтоб узнать, как завален ров и можно ли перейти его. Для сего во время ночи я был послан бригадиром дежурным, при блокаде находящимся, Рахмановым, с тремя егерями. Не знаю, откуда сие повеление пришло, но должен повиноваться правилам службы; хотя и верная смерть предстояла: ибо и те янычары были во фланге бреши, до которой мне мимо их должно проползать. В души своей сказал: «Буди, Господи, воля Твоя надо мною», — переодевшись в егерскую шинель, с двумя егерями, пополз ко рву; прокрадываясь мимо печей разломанных, кои остались от пожара: ибо форштат был весь выжжен. Отползли мы от брешь-батареи сажень 10; егерь мой увидел изо рва выходит огонь и мне сказал, и так мы остановились. Что будет от сего огня? — думал себе: может быть, это их дозор ходит по рву; но потом огонь идет все к нам ближе. Я велел егерям ружья оправить, и сам вынул из ножен саблю, огонь поравнялся с нами, то увидели мы, что это два турка с фонарем, мы ту же минуту их обступили. Я спросил: куда вы идете? Толмач мне отвечал, что это байряктар идет с письмом от паши к вашему генералу. Я их и отвел к дежурному бригадиру, Михаилу Степановичу Рахманову, который обрадовался и сказал: «Верно это значит, что паша хочет крепость сдать». И подлинно так и вышло: на другой день мы Килию и заняли. Господин генерал Гудович меня лично благодарил за счастливую встречу и успехи против крепости, и подлинно было для меня счастье: могло б быть, чтоб я подле бреши и голову потерял. Сказал, что «будет меня рекомендовать за все до сего времени дела и услуги отечеству»; и правда, послал меня после с большой реляцией обо всем к князю Потемкину в Бендеры. Но я там, живши две недели, ничего не получал; не был удостоен милости ни княжей, ни Попова, и с тем возвратился к своему батальону, а прежде посланный господин Титов был награжден премьер-майорским чином; ибо он больше моего заслужил, сидевши в палатке за столом, только подписывая на приказах «дежурный майор».

От Килии весь наш корпус пошел по повелению князя к крепости Измаилу, под которым с 24 ноября по 14-е число де-

кабря находились, пока его взяли штурмом, как приехал к нам граф Ал. Васильевич Суворов командовать, а Гудович уехал в Бендеры, где был князь Потемкин. Слышно было, что генерал Гудович отказался брать штурмом Измаил, ибо в крепости было одного гарнизона 35000 тысяч турок и татар, чему и можно верить; оные собрались из 4-х главных крепостей, из Хотина, из Бендер, из Акермана, из Килии и свой пятый гарнизон; и потому они держались крепко, что почти все побиты и поколоны были. Штурм продолжался 8 часов, и некоторые колонны взошли было в город, опять выгнаны были. Я из своего батальона потерял 312 человек убитых и раненых, а штаб- и обер-офицеры или ранены, или убиты были, и я ранен был пулею навывлет в самой амбразуре в бровь, и в висок вышла и, кабы трубач меня не сдернул с пушки, то бы на ней и голову отрубили турки. На рампар я взошел первый; только передо мною по лестнице 3 егеря лезли, которых в той же амбразуре турки изрубили; ров так был глубок, что 9 аршин лестница только могла достать до берму, а с берма до амбразур другую мы наставляли. Тут много у нас солдат погибло, они всем нас били, чем хотели.

Как я очнулся от раны, то увидел себя только с двумя егерями и трубачом, прочие все были или побиты, или ранены на парапете. Потом стал кричать, чтоб остальные офицеры сами лезли с егерями из рва вверх, придавал им смелости, что турки оставили бастион. Тогда ко мне взлезли по лестницам поручик Белокопытов и подпоручик Лавров с егерями здоровыми; мы закричали ура, бросились во внутрь бастиона и овладели оным; но однако ж много егерей тут было изрублено, и офицер один убит, а меня хоть и перевязали платком, намочив слюнями землю, к ране приложил трубач (ибо в егерских батальонах тогда были трубачи, а барабанов не было), но все кровь текла из головы. Я слабел и пошел лечь на банкете (а потом рана сия засохла с слюнями и землею, и так вылечился; но глазом правым долго не мог видеть), а пушки велел обратить и внутрь по городу стрелять. Штурм продолжался еще после сего, то паши гонят, то турки наших рубят, более 4 часов внутри города и без строю. Окончилось тем, что Бог нам определил быть победителями; нас всего было 17 тысяч регулярных, да казаков 5 тысяч, с которыми счастливый и смелый граф Суворов взял крепость Измаил. После боя граф позволил нижним

чинам в крепости брать все что кто нашел три дня. Правду сказать, у нас не было уже почти хлеба, а потом сделались хлебом и разными припасами довольны; нижние чины достали и червонцев много, так что шапками иные к маркитантам носили.

Забыл я написать, еще до штурма что с нашею колонною случилось. Колонновожатый у нас был майор Марченко, прислан был из свиты Павла Сергеевича Потемкина, оной завел нас совсем не туда и сам пропал: ибо шеф наш, который командовал колонною, генерал-майор Мекноб пришел ко мне, как мы уже идем к крепости, говорит, что «я не знаю, где с колонною стою, кажется мне не там, где начинать должно штурмовать», а ночь была к счастью нашему очень темная, я ему отвечал, что на то есть колонновожатый. Сей Марченко после явился цел и был на бастионе, который штурмовали; но его тогда сыскать не могли. Итак мне Мекноб стал говорить: «Я на тебя надеюсь, как на себя; возьми егерей и поди до рва, узнай, где мы теперь с колонной стоим». Я думал, что лучше просьбы его послушаться, нежели дожидаться приказания, пошел; однако ж сказал ему: доверенность очень велика сделанная мне от вас; но ежели пропаду, то не в своем месте. Он после сказал, что «если крепость возьмем и останемся живы, то вдвое и награжден будешь». Перекрестясь, и пошел я к принцу Филипшталю (и он был после ранен), который был впереди с стрелками, у него взял трех егерей и пополз ко рву. Егерей для того я взял, чтоб по ним назад, как поползу, колонну свою найти; клал я их на землю в дистанции 20 шагов и велел отзывать свистом. Итак дополз до рва, увидел, что белеется бастион от кавальеру, выкладенного белым камнем, оной был от них по левую сторону нашего бастиона, на который велено было идти, а от нас по правую сторону. Тут еще и собака на меня забрехала, видно привязана была во рве для осторожности, но я припал, и она замолкла, а шуму от турок никакого на кавальере и бастионе не слышал, все спали. Итак я, приползши обратно к своей колонне, донес шефу, что мы не против своего пункта*, где назначено спускаться в ров штурмовать, то велел он мне вести колонну к тому бастиону. Я всю колонну повернул налево тихо, однако ж все штыки и лестницы, которые не-

---

* Бастион, на который нам должно было идти, мы с генералом Мекнобом еще за день штурма ездили верхом осматривать и подъезжали очень близко, так что по нас из ружей палили.

сли, застучали; но любезные турки не проснулись до тех пор, как мы уже были на контр-эскарпе и стали по лестницам спускаться передние войска в ров. Тут они открыли свою канонаду и картечью много побили у нас на гласисе в хвосту колонны; а мы были уже во рву. Шеф наш на гласисе был ранен уже на рассвете в ногу, и его понесли прочь, и после того умер в Килие от сей же раны; мы остались доканчивать свое дело сами, батальонные командиры с егерями. Из резерва Троицкого пехотного полка помог нам много капитан Воинов, который у той же пушки, где и я был, ранен и убит наповал; жаль, офицер был храбрый с мужественным духом, ибо один он выпросился с гранодерами вперед у бригадира и полковника своего Хвостова. Итак вся лишняя моя услуга отечеству пропала; ибо генерал и шеф Мекноб умер, а дали только мне 4-го класса за храбрость Егорьевский крест с рескриптом, да другому майору Шеховскому, которому руку турки отрубили, а прочим из майоров никому не дано Егорьевских крестов.

Если бы все написать в рекомендацию, то еще до штурма много сделал лишнего против своих товарищей, и можно сказать спас всю колонну и первый лез по лестнице на бастион, да я же и майором по армии был первый, то можно бы князю Потемкину дать мне и чин, как и всем давал при штурме очковском батальонным командирам. А только тем мы несчастливы, что он тут сам не был.

После штурма забравши раненых, коих могли взять, а иные остались в Измаиле для излечения, я пришел с батальоном в местечко Оргей. Штурм был Измаила декабря 11-го дня 1790 года. <...>

Записки отставного генерал-майора Сергея Ивановича Мосолова

Впервые опубликованы в 1904 г. в «Щукинском сборнике» (вып. 3. М., с. 105–142), за исключением эпизода, касающегося войны 1812 г., который опубликован в том же году в «Бумагах, относящихся до Отечественной войны 1812 г., собранных и изданных П.И. Щукиным» (вып.8, М., с.335–344). В 1905 г. опубликованы целиком в «Русском Архиве» (№ 1, с. 124–173). При повторной публикации текст подвергся незначительной редактуре (расстановка знаков препинания, разбивка на предложения и абзацы, исправлены орфографические ошиб-

ки, модернизировано написание географических названий (Каспийское море вместо Каспицкое и т. п.). Текст публикуется частично, по второму изданию. При публикации опущены сюжеты, относящиеся ко времени после отъезда автора с театра войны в 1791 г.

Как следует из записок Мосолова, он родился в 1750 г. В публикуемом отрывке он описывает свою службу до 1790 г. Его рассказ интересно сопоставить с данными формулярного списка (РГВИА Ф.489. Оп.1. Д.2327. Л.30об.), обнаруженного нами среди формулярных списков офицеров Астраханского драгунского полка (на 1789), в котором служил и А.С. Пишчевич, мемуары которого публикуются здесь же. Согласно этому документу Мосолов с 16 марта 1765 был подпрапорщиком, с 6 августа 1765 сержантом, с 1 января 1770 адъютантом «и в оном же чине подпоручиком» с 1 января 1771, затем поручиком с 1 января 1773, капитаном с 24 ноября 1774, секунд-майором с 19 сентября 1780, премьер-майором 1 января 1786. В формулярном списке офицеров полка (там же, Л. 4) указаны и сражения, в которых принимал участие Мосолов. Он был 19 апреля под Хотиным при атаке неприятельского ретраншемента, 2 июня под Хотиным в полевой баталии, «в 1770 г. в Молдавии 7 июня при взятии неприятельского ретраншемента и лагеря», а 21 в полевой баталии. В 1771 г. 21 октября при атаке и взятии города Мачина, затем в ноябре и в декабре, в действиях на Дунае в частности в сражении 28 ноября. Потом 1772–1773 года в походе в сражении под городом Турной, октября 26 при бомбардировании города Рущука и ноября 3 при переправе на супротивный берег Дуная против Тортукая и под Рущуком 14 июня в действительном под оном сражении в отдельном батальоне впереди корпуса, где выслан был с ротой против неприятельской вылазки и за полезное сопротивление награжден капитанским чином и до окончания войны находился». В 1778 и 1779 г. он был в Польше, в 1782 и 1783 в Крыму, а в 1785 «при переправе через Терек на Сунже при прогнании бунтующих чеченцев и других пограничных народов». В 1788 «по переправе за Кубань сентября 26 в генеральном сражении при реке Убинне до октября 14 под городом Анапе действительно находился». 1 января 1789 г. был уволен генерал-аншефом Текелли «в домашней отпуску». Совпадения некоторых неточностей (даты сражений и походов) в формулярном списке и в мемуарах позволяют считать, что Мосолов, не надеясь на свою память, пользовался своим формулярным списком при написании мемуаров.

Далее, в опущенной при данной публикации части мемуаров, С.И. Мосолов продолжает свою биографию. Он сообщает о своем участии в войне против польских конфедератов, в 1793 г. произведен в подполковники со старшинством с 1788, в 1794 произведен уже в полковники, в том же году участвовал в штурме Праги и был переведен в Новгородский полк. В 1797 произведен в генерал-майоры и получил в командование Муромский пехотный полк, но в 1798 г. исключен из службы. Лишь после воцарения Александра I Мосолову назначена

пенсия и дано разрешение носить армейский мундир, после чего он отправился в г. Бронницы. На этом заканчивается первая часть мемуаров, завершающаяся фразой: «Итак, остался в оном городе, буду дожидаться с терпением перемены жизни своей, препоручив себя во всем воле и промыслу всемогущего Бога» (Русский Архив, 1905, № 1, с.156). На этом, видимо, первоначальный вариант воспоминаний заканчивался. Продолжение воспоминаний начинается с описания событий 1803 г. и заканчивается рассказом о жизни в оккупированной французами Москве в 1812 г. Таким образом, первая часть написана либо в 1806 (как сообщает начальная фраза мемуаров, явно вставленная позднее, о чем свидетельствует выражение «ибо я там жил») и доведена до начала александровского царствования, либо в период между 1801–1803 гг. являющийся рубежом, разделяющим первую и вторую части воспоминаний. После описания событий 1812 г. автор сообщает, что в 1817 г. он живет в г. Дмитрове, где купил себе дом, после чего вновь следует фраза, свидетельствующая об окончании мемуаров: «а впредь что со мною будет, отдаюсь на волю моего создателя, он един предведущ» (Русский Архив, 1905, № 1, с.167). Однако после этого вновь приведены отдельные эпизоды из жизни автора, что свидетельствует о продолжении работы над текстом. Точную дату смерти автора установить не удалось. Не знал ее и П. Бартев, сообщивший при публикации в «Русском Архиве», что похоронен он в Московском Андрониевом монастыре. С.И. Мосолов упоминается в «Придворном месяцеслове» на 1817 г, однако в «Придворном месяцеслове» на 1824 г. его имени уже нет.

Следует отметить, что в документах XVIII в. написание фамилии было Масалов (Список Воинского департамента на 1785 г. С. 113; формулярный список — РГВИА Ф.489. Оп. 1. Д. 2327. Л. 30 об.).

Стр. 38. Салтыкова (урожд. Трубецкая) Прасковья Юрьевна (ум.1767) — статс-дама, жена графа, генерал-фельдмаршала П.С. Салтыкова; приближенная Анны Иоанновны.

Салтыков Петр Семенович (1698–1772) — граф (с 1733), генерал-фельдмаршал (с 1759); участник Семилетней войны, в 1759–1760 главнокомандующий русской армией; с 1764 московский генерал-губернатор.

Неронов Павел Васильевич — полковник, в 1765 г. командир Архангелогородского мушкетерского полка.

Стр. 40. Ординация — дежурство в качестве ординарцев.

Решение о формировании 1-й армии, куда входил Архангелогородский полк, было принято в Петербурге только 4 ноября (ст. ст.) 1768 г. В Киеве 1-я армия должна была собраться только в начале 1769 г. Далее войска следовали через территорию Польши к Днестру. Антироссийски настроенная Барская конфедерация в Польше, созданная в 1768 г., провоцировала Турцию к войне с Россией. В дореволно-

ционной историографии русско-турецкая война 1768–1774 и война с польскими конфедератами иногда даже объединялись.

Стр. 41. Голицын Александр Михайлович (1718–1783) — князь, военачальник и дипломат, в 1769 г. генерал-аншеф (с 1759), за взятие Хотина получил чин генерал-фельдмаршала; в 1768–1769 гг. командовал первой армией, однако за нерешительность был заменен П.А. Румянцевым; родной дядя по матери А.В. Суворова.

Ретраншемент — крупное полевое укрепление.

Кашкин Евгений Петрович (1737–1796) — в 1769 г. полковник, участник Семилетней и 1-й русско-турецкой войны; тяжело ранен под Хотиным 22 августа 1769 г., в октябре произведен в бригадиры; позднее генерал-аншеф (с 1790), в 1780–1788 пермский и тобольский генерал-губернатор, затем ярославский и вологодский, а позднее тульский и калужский.

Сухотин Алексей Николаевич (ум. 1805) — с 1769 г. полковник, участник боев под Хотиным, в 1770 г. полковник Куринского пехотного полка, затем бригадир. В 1771 г. в чине генерал-майора сменил Тотлебена на посту командующего войсками в Грузии.

Мосолов путает события кампании 1769 г. 19 апреля (даты по старому стилю) русские войска, переправившись за Днестр, подошли к Хотину, однако взять его не удалось и армия отступила за Днестр. 24 июня армия Голицына вновь переправилась за Днестр, блокировала Хотин, но в начале августа вновь отступила. После этого турки перешли в наступление и, переправившись через Днестр (а не через Прут, как пишет Мосолов), закрепились в ретраншементе на берегу. В описанной у Мосолова атаке в ночь с 22 на 23 августа на турецкий ретраншемент участвовали полковники Вейсман, Игельстром, Сухотин и Кречетников (Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами 1769–1774. СПб., 1887. Т. 1, с. 237). 9 сентября 1769 г. русские вступили в оставленную турками крепость Хотин.

Деташемент — отряд.

Штофельн Христофор Федорович (1720–1770) — участник Семилетней и 1-й русско-турецкой войн, генерал-поручик (с 1762), 1769–1770 командовал корпусом в составе 1-й армии. После смерти его заменил на этом посту Н.В. Репнин.

Яссы были взяты в сентябре войсками генерал-поручика И. Эльмита в сентябре 1769 г., Штофельн же получил приказ отправиться в Молдавию только 31 октября. Бухарест занят в декабре 1769. Умер Штофельн 30 мая 1770.

Речь идет, вероятно, о сражении 2 июля (а не июня) под Хотиным, после чего он был блокирован. Эпизод с обороной обоза 1-й роты Архангелогородского полка командой капитана Трегубова и поручика Юшкова относится к апрелю 1769 г. (Петров А. Н. Указ. соч. Т. 1, с. 164).

Румянцев Петр Александрович (1725–1796) — граф (с 1744), с 1764 г. в чине генерал-аншефа генерал-губернатор Малороссии; в

1769 — главнокомандующий 2-й, а после отзыва А.М. Голицына до конца войны — 1-й армии; с 1770 генерал-фельдмаршал, в 1774 — получил прибавление к фамилии — Задунайский; в 1787–1789 командовал Украинской армией, затем вновь вступил в управление Малороссией.

Репнин Николай Васильевич (1734–1801) — князь, генерал-фельдмаршал (с 1796); в 1769 г. генерал-поручик, после смерти Штофельна командовал корпусом в Молдавии; участник Семилетней войны, в 1760-е гг. посол в Пруссии и в Польше; с 1774 генерал-аншеф, в 1775–1776 русский посол в Турции, участник 2-й русско-турецкой войны (1787–1791), в 1789 в отсутствие Г.А. Потемкина командовал войсками бывшей Украинской армии, с февраля 1791 г. главнокомандующий объединенной русской армией; с 1792 г. генерал-губернатор рижский и ревельский, в 1794–1798 гг. виленский и гродненский губернатор.

7 июля — сражение при Ларге.

Стр. 42. Имеются в виду действия Племянникова при Кагуле. Племянников Петр Григорьевич (ум. 1773) — вступил в службу солдатом в Преображенский полк в 1725 г., с 1762 г. генерал-поручик, с 1770 генерал-аншеф.

Имеется в виду Баур (Баувер) Фридрих Вильгельм (Федор Виллимович), фон (1731–1783) — в 1770 г. генерал-майор, генерал-квартирмейстер в армии Румянцева, один из создателей русского генерального штаба, позднее инженер-генерал.

Вейсман фон Вейсенштейн Отто-Адольф (Отто Иванович) (ок. 1729–1773) — в 1770 бригадир, позднее генерал-майор, один из лучших боевых генералов армии Румянцева.

Милорадович Андрей Степанович (1727–1798) — участник Семилетней войны, в 1771 г. бригадир, позднее генерал-поручик (с 1779), правитель Черниговского наместничества; отец графа М.А. Милорадовича (1771–1825).

Стр. 30. В 1772 г. военных действий не велось, так как было заключено перемирие и шли переговоры о мире. Описываемые события относятся к 1773 г. Сражение у Турно — имеется в виду сражение 16 сентября 1773 г. Переправа 3 ноября — имеется в виду скорее всего переправа у с. Мавродина 3 ноября 1773 г., после этого и состоялось описанное Мосоловым сражение с турецкими войсками, подошедшими из Рушука (Николаев Н. Г. История 17-го пехотного Архангелогородского полка 1700–1900. СПб., 1900, с. 187). Ошибка восходит к формулярному списку, где события 1772 и 1773 г. соединены вместе и отсюда взята цитата.

Салтыков Иван Петрович (1730–1805) — граф, генерал-фельдмаршал (с 1796); в 1-ю русско-турецкую войну командовал отдельным

корпусом; с 1774 г. генерал-аншеф, в 1780–1784 гг. командовал корпусом войск в бывших польских провинциях, отошедших к России по первому разделу (1772); с 1784 генерал-адъютант, в 1789 г. командовал Кубанским и Кавказским корпусами, которые при нем назывались Кубанской (Кавказской) армией; в 1790 — главнокомандующий Финляндской армией; 1797–1804 московский генерал-губернатор. В 1773 г. Архангелогородский полк входил в состав корпуса Салтыкова, действовавшего на Верхнем Дунае против Руцука, Никополя, Турно и Туртукая.

Репнин Петр Васильевич (1744–1773) — князь, 15 мая 1773 г. с отрядом попытался напасть на турецкий пост ниже Руцука, был окружен, ранен и попал в плен, где и умер (Мосолов неверно дает датировку этого события) (А.В. Суворов. Письма. М., 1986 — комментарий В.С. Лопатина к письму № 34. С. 493).

Ласси Борис (Мориц) Петрович (1737–1820) — сын генерал-фельдмаршала П. П. Ласси, участник 1-й и 2-й русско-турецких войн, с 1773 подполковник, командир егерского батальона в корпусе И.П. Салтыкова; позднее участвовал в войне с польскими конфедератами, генерал от инфантерии (с 1798), с января 1799 главнокомандующий армией, расположенной на Балтийском побережье, но в июле за ходатайство о принятии в службу опального генерала Л.Л. Беннигсена ему было объявлено высочайшее неблаговоление, и в октябре 1799 Ласси был отправлен в отставку, в 1805 г. был главнокомандующим соединенных русских, английских и неаполитанских войск, предназначенных для защиты Неаполитанского королевства, однако поражения под Ульмом и Аустерлицем не позволили развернуть этим войскам боевые действия.

Действия под Руцуком относятся к 1774 г. Салтыков со своими войсками подошел к Руцуку 16 июня 1774 г. Сражение же с крупным отрядом турок произошло только 29 июня. Кючук-Кайнарджийский мир был заключен 10 июля 1774 г. Ошибка связана с тем, что цифра «1774» в формулярном списке пропущена, с чем связано расхождение в датах, сказать трудно, но в формулярном списке речь также идет о 14 июня.

Сражение при Рябой Могиле произошло 17 июня 1770 г.

Бишев Иван Иванович (ум. после 1792) — в 1770 капитан артиллерии, с 1779 г. полковник (с 1779), в 1780-х гг. комендант в Колывани.

Турция, стремившаяся к пересмотру Константинопольского мира 1700 г. и подстрекаемая скрывавшимся там после Полтавской катастрофы Карлом XII, 20 ноября 1710 г. объявила России войну. Русская армия в июле 1711 г. попала на Пруте в окружение, и 12 июля после непродолжительных переговоров был подписан мирный трактат, по которому Россия обязывалась вернуть туркам Азов, срыть Таганрог и Каменный Затон, не вмешиваться в польские дела и обеспечить безопасный проезд Карла XII в Швецию.

Рейд отряда генерал-майора (с 1768) Семена Черноевича к Журжелесту был предпринят в январе — первой половине февраля 1770 гг.; целью рейда было разорение селений по Пруту и на Нижнем Дунае.

Стр. 44. Ржевский Матвей Петрович (1730-е/1740-е — 1803) — на службе с 1752, с 1773 г. полковник, командир Архангелогородского пехотного полка; с 1779 г. бригадир, позднее генерал-майор (с 1780), сенатор (с 1788).

Талызин Петр Федорович (р. ок. 1739) — в 1772–1775 полковник (с 1772) 4-го гренадерского полка; в 1788–1789 гг. в чине генерал-поручика (с 1783) командовал войсками Кубанского корпуса, в 1792 г. воинский инспектор при армии.

Потемкин Павел Сергеевич (1743–1796) — граф (с 1795), генерал-аншеф (с 1794), двоюродный брат Г.А. Потемкина; с 1782 г. в чине генерал-поручика (с 1780) командовал войсками Моздокской линии, с 1 июля 1883 командовал войсками от Моздока до Астрахани (Кавказским корпусом), с 1784 г. генерал-губернатор саратовский и кавказский, в 1786 г. открыл Кавказское наместничество, в 1787 отозван с Кавказа, передал командование Кавказским и Кубанским корпусами П.А. Текелли, но до 1792 г. продолжал числиться Кавказским генерал-губернатором; писатель, переводчик, автор «Описания кавказских народов» (см. об этом сочинении: Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1955, с. 282).

Апраксин Степан Степанович (1757–1827) — сын генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина, в 1777 полковник, флигель-адъютант, с 1782 командир Киевского пехотного полка, с 1783 командир Астраханского драгунского полка, в 1785 бригадир, с 1786 г. генерал-майор и шеф Астраханского драгунского полка, с 1793 г. генерал-поручик; позднее генерал от кавалерии (с 1798), с декабря 1798 по 1801 в отставке, с 1803 смоленский военный губернатор, в 1807 г. сформировал 16-ю пехотную дивизию, с которой совершил поход в Молдавию, с 1809 г. в отставке.

По Кючук-Кайнарджийскому миру, завершившему русско-турецкую войну 1769–1774 гг., Крымское ханство было признано независимым от Турции. В 1782 г. вспыхнуло восстание против прорусски настроенного крымского хана Шагин-Гирея. С помощью русских войск мятеж был подавлен, а хан отрешен от престола. Манифестом 8 апреля 1783 г. Крым был присоединен к России.

Стр. 45. Бутрюмова Настасья Ивановна (ум. 1830) — жена С.И. Мосолова, похоронена в Спасо-Андрониевом монастыре, в Московском некрополе дано иное написание ее фамилии — Масолова; так же писалась и фамилия их дочери — Софьи Сергеевны, которая была замужем за московским берг-инспектором Макееровским и умерла в 1823 г.

Пиери(й) Николай Юрьевич (ум. 1785) — в 1780 г. полковник, командир Астраханского пехотного полка.

Каморский — имеется в виду командир Кабардинского егерского батальона майор Сергей Комарский (ум. 1785) (Дубровин Н.Ф. Братья Потемкины на Кавказе. СПб., 1878, с. 528).

Речь идет об экспедиции, предпринятой русским командованием против мятежных горцев, во главе которых под знаменем ислама выступал Ушурма (шейх Мансур) — уроженец чеченского селения Алды. Первые сведения о выступлении Ушурмы получены в марте 1785 г. В Алды был направлен отряд под командованием Н.Ю. Пиери. Пиери, не дождавшись двигавшихся к нему на помощь войск под командованием С.С. Апраксина, перешел Сунжу, оставив переправу и дорогу, по которой предстояло возвращаться, без прикрытия и, судя по рапорту генерал-поручика М.Н. Леонтьева, дал «при этом пушечными выстрелами и барабанным боем время чеченцам собраться и засесть на дороге, ему предлежащей» (Зиссерман А.Л. История Кабардинского пехотного полка, Т. I, СПб. 1881, с. 159–160). Чеченцы покинули селение, которое было разграблено и сожжено русскими войсками. После этого, как пишет тот же Леонтьев, русские, «будучи встречены неприятелем на обратном пути в густоте леса, как не храбро побеждали их, но подвергнули и себя чрезвычайным потерям» (Зиссерман А.Л. Указ. соч. Т. I, с. 160). Командир Кабардинского егерского батальона майор С. Комарский предложил остановиться на одной из полян и ожидать прибытия отряда С.С. Апраксина (подобным образом в 1845 г. поступил в Даргинской экспедиции М.С. Воронцов), однако Пиери отказался, в результате чего отряд был разгромлен, а остатки его с трудом переправились за Сунжу (Дубровин Н.Ф. Братья Потемкины на Кавказе. СПб., 1878, с. 528). Потери отряда составили 2 штаб-офицера, 6 обер-офицеров и 576 нижних чинов. Среди погибших были Пиери и Комарский. Развивая успех, Ушурма осадил Кизляр, но взять его не удалось, после чего Ушурма развернул деятельность среди кумыков, ногайцев и кабардинцев. Ушурма был захвачен при штурме Анапы русскими войсками в 1791 г. (подробнее об этом движении см., например: Смирнов Н. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории, № 10, с. 19–39).

Казачество на Тереке появляется в XVI в., в XVII в. складывается единое терско-гребенское казачество, и лишь позднее разделяется на Терское и Гребенское войско (Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). СПб., 2002, с. 21). При Петре I для того, чтобы поставить кавказских казаков под контроль правительства, действительно предпринимались попытки переселения в гребенские городки донских казаков — «верных донцов» (там же, с. 58), однако большого успеха они не имели. Поставить под контроль Гребенское казачье войско правительству удалось только в середине XVIII в., когда оно было объединено с Терским семейным войском (по указу 1745 г.) (там же, с. 69).

Стр. 46. Текелли(й) Петр Абрамович (1720–1793) — начал службу в австрийской армии, в 1747 г. переселился в Россию, участник Семилетней и 1-й русско-турецкой войн, с 1786 г. генерал-аншеф, в 1787–1789 командовал войсками Кавказского и Кубанского корпусов, с 1789 в отставке.

Поход на Анапу был предпринят в рамках 2-й русско-турецкой войны (1787–1791). Кн. Г.А. Потемкин предписал в апреле 1788 г. открыть военные действия против Анапы или Суджук-Кале для отвлечения противника от Очакова и Крыма. Однако русские войска переправились через Кубань только 19 сентября. 17 октября ввиду недостатка продовольствия русские войска отступили от Анапы. Об этом походе см. подробно в мемуарах А.С. Пишчевича.

Ратеев (Ратиев, Ратишвили) Николай Юрьевич (ок. 1728/1731–после 1803) — князь, на службе кадетом с 1738 г., в 1770 г. находился в составе русских войск в Тифлисе и наряду с русскими офицерами участвовал в заговоре против командующего русскими войсками в Грузии Тотлебена, за что в 1771 г. сослан в Сибирь, однако был оправдан и продолжил службу; в 1779 г. в чине полковника (с 1777) командовал Изюмским легкоконным полком, в 1788 в чине генерал-майора (с 1785) шеф Кавказского егерского корпуса, в 1789 г. шеф Кубанского егерского корпуса, в 1790 уволен от всех дел.

Фос-переправа — ложная переправа.

Стр. 47. Очаков взят 6 декабря 1788 г.

Апроши — зигзагообразные траншеи, служащие для постепенного приближения к осажденной крепости.

Юргенц Давыд Николаевич — с 1781 г. полковник, с 1789 г. генерал-майор, состоял при Соединенной армии.

Стр. 48. Бальмен, де Антон Богданович (1741–1790) — граф, генерал-поручик (с 1780), до сентября 1782 г. командовал Кубанским корпусом, с 1784 директор Сухопутного шляхетного корпуса, с 1786 генерал-губернатор Курского и Орловского наместничества, с мая по октябрь 1790 г. командовал Кавказским корпусом, умер от чахотки в Георгиевске 4 октября 1790 г.

Иловайский — вероятно, Павел Дмитриевич Иловайский (1765–1811) — в 1787 г. премьер-майор, командир Донского казачьего полка, позднее генерал-майор.

Попов Василий Степанович (1745–1823) — с 1783 г. ближайший сотрудник Г.А. Потемкина, заведовал его канцелярией; позднее генерал-поручик (с 1796), действительный тайный советник (с 1807); с 1792 начальник Кабинета Екатерины II, с 1797 президент Камер-коллегии, с 1799 по 1807 в отставке, с 1807 управляющий Комиссариатским, а затем и Провиантским департаментами, с 1810 г. член Государственного совета.

Стратажема (стратагема) — в данном случае стратегия поведения.

Стр. 49. Во второй половине XVIII в. происходил отход от линейной тактики, важное значение приобрел стрелковый бой из-за укрытий. Егеря появились в русской армии после Семилетней войны. А в 1785 г. были сформированы 6 егерских корпусов: Смоленский, Лифляндский, Бугский, Днепровский, Крымский и Кавказский. Каждый из корпусов состоял из 4 шестиротных батальонов по 998 чел. В 1786 г. был создан также Кубанский егерский корпус.

Мекноб Федор Иванович (1737–1790) — в 1774 г. подполковник Кабардинского полка, позднее генерал-майор, в 1789 г. командир Лифляндского егерского корпуса.

Фалеев Михаил Леонтьевич (ум. 1792) — происходил из купцов, поставщик армии и флота, сотрудник Г.А. Потемкина по хозяйственному освоению Северного Причерноморья, во время 2-й русско-турецкой войны руководил постройкой гребных судов в Николаеве, получил чин бригадира и был возведен в дворянское достоинство.

Стр. 50. Имеется в виду Меллер-Закомельский Иван Иванович (1725–1790) — барон (с 1789), генерал-аншеф (с 1783), с 1783 г. исполнял обязанности генерал-фельдцейхмейстера, в 1790 г. командовал корпусом под Килией. 6 октября смертельно ранен и 10 октября умер.

Гудович Иван Васильевич (1741–1820) — граф (с 1797), генерал-фельдмаршал (с 1807); в 1790 генерал-поручик (с 1777), командовал отдельным корпусом, который взял Килию; в 1790 произведен в генерал-аншефы и назначен командующим войсками на Кавказской линии (Кавказским корпусом) и Кубанским корпусом; подробнее см. комментарии к его мемуарам в настоящем издании.

Кнорринг, фон, Густав Иванович (Федорович) — с 1789 г. инженер-генерал-майор, находился при Соединенной армии. В «Записках» Л.Н. Энгельгардта (М., 1997. С. 64) упоминается бригадир Б.Ф. Кнорринг, находившийся в 1788 г. в Украинской армии и командовавший инженерами. Это ошибка. Кнорринг Богдан Федорович (1746–1825), командовавший позднее в 1808–1809 гг. русской армией в русско-шведской войне, был генерал-майором с 1786 г., к инженерным войскам отношения не имел и во 2-й русско-турецкой войне не участвовал; в 1788 г. он числился при Оренбургском корпусе и был в отпуске, а в 1789 г. при Финляндской армии (Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» И.Д. Сытина. СПб., 1995. С. 276; Список Воинскому департаменту на 1788 и 1789 гг.). Следовательно, и в мемуарах Энгельгардта речь идет о Густаве Кнорринге.

Стр. 51. Рахманов Михаил Степанович — в 1790 г. бригадир, участник 2-й русско-турецкой войны.

Стр. 52. Суворов Александр Васильевич (1729–1800) — граф Рымникский (с 1789), князь Итальянский (с 1799), генералиссимус (с 1799);

в 1790 генерал-аншеф (с 1786); Г.А. Потемкин специально назначил его командовать войсками под Измаилом, при этом переместил на Кубань И.В. Гудовича, под руководством которого военный совет постановил снять осаду с Измаила.

Берма — нетронутая полоса земли или уступ между рвом и бруствером.

Стр. 53. Гессен-Филиппштальский, Фридрих (Фридрих Вильгельмович) (1764–1804) — принц, полковник Изюмского полка.

Стр. 54. Хвостов Александр Семенович (1753–1820) — двоюродный брат графа Д.И. Хвостова, в 1779 г. перешел из Коллегии иностранных дел на военную службу, в годы 2-й русско-турецкой войны в чине полковника командовал Троицким пехотным полком; в 1793–1794 гг. поверенный в делах в Константинополе, в 1801 г. в чине действительного статского советника перешел на гражданскую службу, с 1804 г. в чине тайного советника был советником, а затем управляющим Государственного заемного банка; писатель, переводчик, с 1793 г. член Российской Академии.

Шаховской Николай Леонтьевич (1757–1837) — князь, премьер-майор (с 1788), при штурме Измаила ему была отрублена левая кисть и он был ранен саблей в голову; вскоре произведен в подполковники Херсонского гренадерского полка; в 1799 уволен в отставку с чином генерал-майора, в 1807 г. был генерал-провиантмейстером соединенных армий в Пруссии; с 1810 г. тайный советник, сенатор, с 1831 действительный тайный советник.

**Издательство журнала «Звезда»
предлагает читателям книги по истории
российско-кавказских войн XIX века:**

«ОСАДА КАВКАЗА». Сборник

«ДАРГИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ. 1845 год». Сборник

«РОССИЯ И КАВКАЗ. СКВОЗЬ ДВА СТОЛЕТИЯ». Сборник

Я. Гордин. «КАВКАЗ: ЗЕМЛЯ И КРОВЬ»

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: ИСТОКИ И НАЧАЛО. 1770–1820

Воспоминания участников Кавказской войны XIX века

Художественный редактор *В. А. Гусаков*

Корректор *Н. В. Виноградова*

Технический редактор *Е. Ф. Шараева*

Менеджер издания *В. В. Рогушина*

Издательская лицензия № 02412 от 20 июля 2000 г.

Оригинал-макет и диапозитивы изготовлены ООО «Системотехника»

Сдано в набор 20.08.02. Подписано к печати 01.11.02. Формат 60×88^{1/4}

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 34, 5. Уч. изд. л. 32,9. Тираж 3000 экз. Заказ № 247.

Издательство журнала «Звезда»

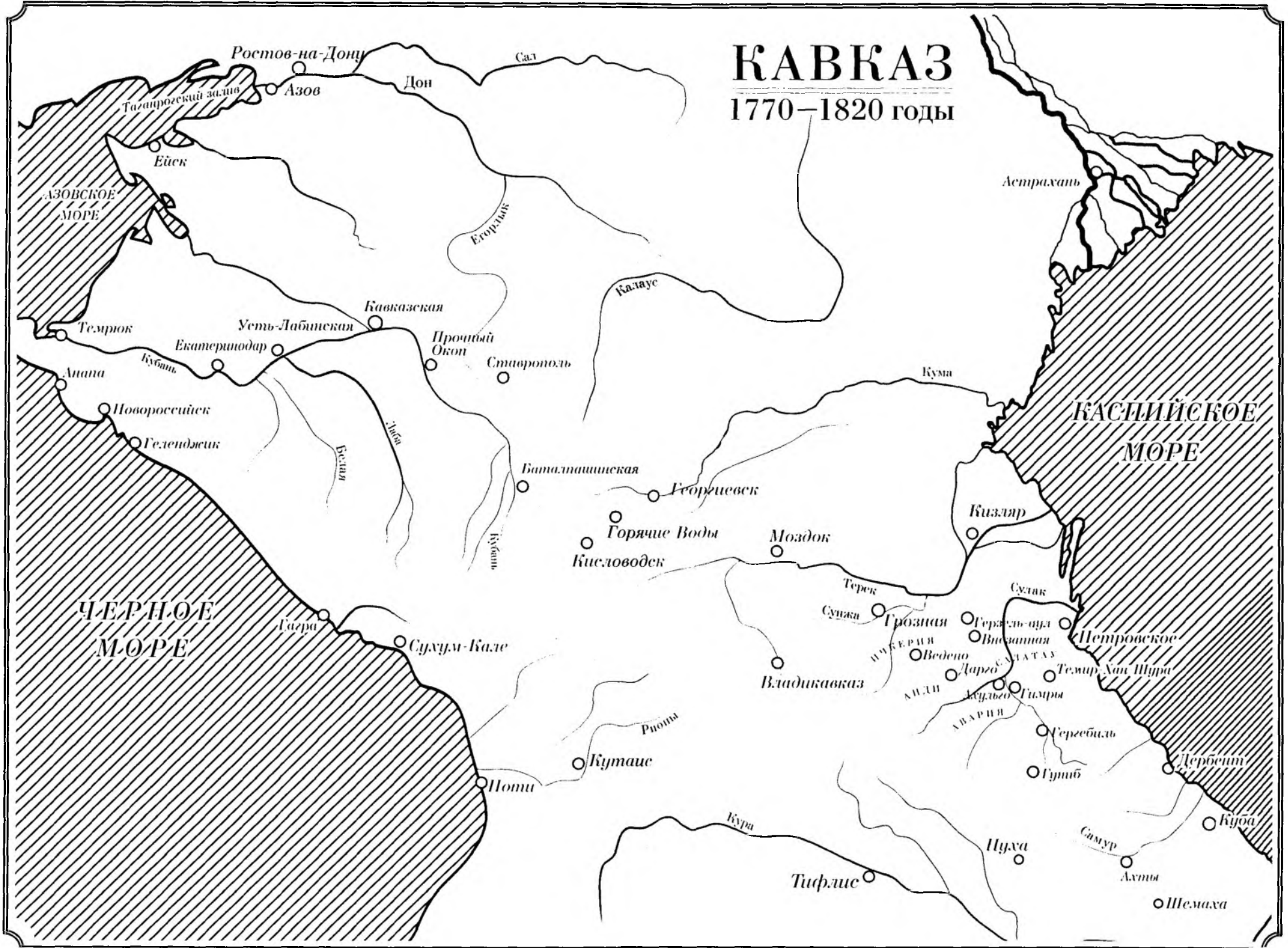
191028, Санкт-Петербург, Моховая, д. 20.

Отдел реализации (812) 273-37-24

Отпечатано с готовых диапозитивов в «ИПК «Бионт»»
Санкт-Петербург, В.О. Средний пр., 86. тел. (812) 322-68-43

КАВКАЗ

1770—1820 годы

*Воспоминания участников
Кавказской войны XIX века*

Кавказская война: истоки и начало

1770–1820 годы

Книга «Кавказская война: истоки и начало» является вторым томом по времени издания, но первым по хронологии событий. Кавказская война имела глубокие корни, определялась множеством исторических обстоятельств, была связана с самого начала с геополитической ситуацией вокруг России. И в данном томе собраны свидетельства русских офицеров, воевавших на Кавказе в последней четверти XVIII — начале XIX века, когда еще только закладывался фундамент будущей многолетней кровавой драмы, с последствиями которой мы столкнулись сегодня. Когда еще была возможность выбора различных путей.

